

Представления о «рус(с)ком» языке в культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* в XVII веке

В культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* в XVII веке реализовалась концепция *христианского универсализма*: в системе моделируемого Римом конфессионального подчинения греческого мира латинскому важнейшим этапом являлось возвращение славян к единству по вере. Завершение «глобальной Унии», фрагментом которой стала Брестская уния, требовало приведения к единообразию славянских церковных книг, написанных на *правильном и помянном* для всех славян языке.

По поручению Конгрегации пропаганды святой веры в Риме в 40-х годах XVII в. была предпринята книжная справа древних хорватских глаголических богослужебных книг, осуществлявшаяся под руководством хорватского монаха Рафаеля Леваковича и епископа холмского Мефодия Терлецкого (Бессонов 1870, 716–717; Будилович 1892, 158–159; Толстой 1998, 371). Проведя некоторое время в Юго-Западной Руси, в среде униатов, Левакович изучил юго-западнорусскую редакцию церковнославянского языка и выбрал в качестве источников книжной справки юго-западнорусские богослужебные книги, ориентированные на бытование в условиях унии. Текст изданных Леваковичем богослужебных книг – **Миссала римскаго ва език словенскій** (1631) и **Часослова римскаго славинскимъ языкомъ** (1648) – был утвержден папой Иннокентием X и лег в основу изданий Ивана Пастрича – **Часослова** (1688) и **Миссала** (1706). В 30-х годах XVIII в. папа Бенедикт XIV поручил глаголяшу Матвею Караману еще раз исправить язык миссала по образцу русского извода церковнославянского языка. В 1741 г. Караман издал исправленный **Миссаль римскій славинскимъ языкомъ**, а в 1753 г. в трактате «*Identità della lingua litterale slava e necessita di conservarla ne' libri sacri*» («О тождестве литературного славянского языка и необходимости сохранить его в священных книгах») представил теоретические выводы в пользу усвоения хорватами-глаголяшами русского извода церковнославян-

ского языка для того, чтобы «проложить этим путь унии в среду славянских схизматиков» (Будилович 1892, 159).

Другой путь единения по вере посредством единения по языку избрал иезуитский миссионер, также хорват по национальности, Юрий Крижанич, пытавшийся «исправить» церковнославянский язык русского извода с целью достижения его *правильности и понятности*, ибо только «*изправльєнїе ꙗзика*» ведет «*ко ѡразумльєнїѹ всакихъ благоговєйныхъ отечскихъ дѣл, и дѣши спасаѹщъ совѣтовъ*» (Крижанич 1859, V). Осуществляя свою миссионерскую деятельность в Московской Руси, Крижанич написал лингвистические трактаты – *Обясньєнїе виводно о писмѣ Словѣнском* (1660–1661) и *Грамматично изказанїе объ рѹскомъ ꙗзыкѹ* (1666), явившиеся культурно-языковой репликой на грамматику Мелетия Смотрицкого 1619 г. (см. подробно: Запольская 2003, 183–212).

Отправной точкой для реконструкции концептуально направленной рефлексии Крижанича является его собственное обоснование будущей миссионерской деятельности в Московской Руси, которую он осмыслял как принципиально просветительскую: «Я считаю москвитян не за еретиков или схизматиков (так как их схизма происходит не из настоящего корня схизмы, не из гордыни, а из невежества), я считаю их за христиан, введенных в заблуждение по простоте душевной... и потому я полагаю, что отправиться для собеседования с ними не значит еще идти проповедовать веру (какое дело я никогда не помыслил бы взять на себя), а значит лишь увещавать их добродетели к наукам и искусствам, по введении каковых было бы уже более легким делом указать их заблуждение и обман, что и составит задачу уже иных мужей, исполненных добродетелей и вдохновения» (Белокуров 1901, 57). Поскольку в деле просвещения «не следовало пренебрегать низшими из свободных наук», Крижанич, ссылаясь на авторитет Блаженного Иеронима, предполагал начать именно с «грамматики», желая «*полезно дѣло сотворитъ ко изправльєнїѹ ꙗзика*»: «*Грамматично радїиѣ ... вѣтъ потрїбно ... како владѣнїиъ Иеронимъ велитъ: Несподобитсе возгордѣжатъ малыхъ вещь, безъ коныхъ велики обстоѣятъ немогѹтъ*» (Крижанич 1859, V).

Возможность осуществления лингвистической просветительской программы была определена, по свидетельству самого Крижанича, его достаточной лингвистической подготовкой, поскольку он знал «четыре языки свершено: словенскі, латынскі, неметцкі, италянскі, и другіе четыре языки несвершено: греческі письменны, греческі просты, полскі и венгерскі» (Белокуров 1901, 91). Характер и объем языковой компетенции Крижанича определял характер и объем его метаязыковой компетенции. Овладение в процессе формального обучения языками как «грамматикой», т. е. системой алгоритмических правил, позволяло Крижаничу структурировать любой языковой материал, а непосредственная включенность в языковую ситуацию Западной Европы, прежде всего Италии, мотивировала не только знание лингвистических концепций (*Questione della lingua*), но и возможность распространения концептуализирующей лингвистической мысли на языковую ситуацию Московской Руси. Желание и готовность Крижанича служить делу просвещения нашло в Московской Руси государственную поддержку, поскольку вторая половина XVII в. являлась временем последовательной и систематической языковой нормализации, которая осуществлялась посредством создания грамматик и проведения книжной sprawy: «**А вельено мнѣ книги писать, Алфавит истинны<й> славянского јазика составить и граматикѣ изправить**» (Белокуров 101, 177).

Предметом размышлений Крижанича являлся церковнославянский язык русского извода, понимаемый им как «общий» *литургическій и литературный славянский язык*: «**наш кнѣжнѣ језик**» (Крижанич 1891, III), «**језик наш сѣ, коьим мнѣ кнѣги пишем и божїе служби отправаљајем**» (Крижанич 1859, I). Исходя из идеи идентификации славянских локальных языков как вариантов одного славянского языка, Крижанич считал необходимым называть «общий» славянский литературный язык «**рѣским**», а не «**словинским**» («**сло/авенским**»): «**сѣ језик коьим кнѣги пишем... Рѣскіѣ Кнѣжнѣ .. Рѣско племе и јме јест, остадним всим вершина и кореника... Ј потомѣ, когда хоцѣм общим јменом објат... всих језичних отмин: несподобитсе бѣх зват новичним *Словинским*, него паче**

сподобитсе вѣхъ зѣатъ новичинимъ Словѣнскимъ, него паче предавнимъ Рускимъ именемъ» (Крижанич 1859, II).

Рассмотрение «русского» языка в качестве источника славянских языков не требовало, по мнению Крижанича, доказательств, поскольку являлось фактом классического исторического знания, которое было поддержано новой исторической наукой: «нанстарѣје, и осталимъ всимъ зачалоно јестъ льѣдство и јме Руско: и се једино давнимъ Гречскимъ и Римскимъ писателемъ јестъ вѣло познано и четѣсе въ старѣхъ кнѣгахъ написано» (Крижанич 1859, I).

Генетическая значимость «русского» языка поддерживалась его функциональной значимостью, поскольку автохтонная авторитетная государственная власть в Московской Руси определяла ситуацию, при которой все государственные дела оформлялись на «своем» языке: «домашнимъ језикомъ вивајѣтъ отправаљана» (Крижанич 1859, IV).

Исторически мотивированное генетическое и функциональное превосходство «русского» языка поддерживалось, по мнению Крижанича, собственно лингвистическими характеристиками, указывающими на близость именно «русского» разговорного языка к «общему» славянскому литературному языку: «себъ кнѣжнѣнъ језикъ вного подобнѣнъ јестъ днешнѣеъ Рускоѣ обштинѣеъ, неже којеѣннѣѣдъ Словѣнскоѣ отминѣе» (Крижанич 1859, II).

Осмысление исходных функционально-генетических и собственно лингвистических параметров «русского» языка позволило Крижаничу построить иерархическую схему славянских языков:

«Руский» язык:

«Руско плѣме и јме јестъ осталимъ всимъ вершина и кореника... Ј сице не Руска отмина Словѣнскије отмини плодъ него Словѣнска, и Чешска, и Лешска отмина, јесѣтъ Руского језика отродки».

«славно Руско господарство ... а гди јестъ краљѣствено дѣло, и народно законостаѣје, во својемъ језикѣ ъстројено: тамо језикъ обикајетъ бити обштинѣнъ, и от дне творитсе стројинѣнъ».

Хорватский язык и сербский язык:

«Сербьани и Хервати сѣт изгвѣили својѣ дѣдинскѣ бесидѣ ... али пак то не везди во вѣздѣ Дѣвоца и Озла и Рибника острогов... сохранило се јест Херватско и Сербско вольарство, ј кѣлико јест још досели остало старогѣо зачалногѣо и чистогѣо изриканја...»,

Чешский язык:

«У Чехов језик немало закаљен»,

Польский язык:

«У Лехов половина ричѣь јест от ѣних разнигѣих језиков примишена»,.

Болгарский язык:

«У Болгар нист, чесо искат: тако во тамо језик јест изгвѣлен, да мѣ једва сѣид остајет» (Крижанич 1859, II, III).

Предустановленное и явленное в иерархии функционально-генетическое «достоинство» «русского» языка предполагало приобретение формально-семантического «достоинства» посредством проведения филологической обработки: «Ниједен јазик неѣѣаше, изкони вѣка, и тутже на своѣм почяткѣ совершен. Ј николиже неѣѣстанет јазик сеѣ сличен, стројен, и кѣ разумному коѣму писанју и говоренју пригоден, доколигод не истяжитсе» (Крижанич 1891, 1). Соответственно, свою задачу Крижанич видел лишь в том, чтобы способствовать «изправљенју, изтежанју, и совершенју језика», ибо только «изправљенје језика» ведет «ко вразумљенју всаких благоговѣјних отечских дѣм, и дѣши спасајущ совѣтов» (Крижанич 1859, V). Необходимое «граматично радинје» мыслилось книжником как постепенный системно реализуемый процесс нормализации и кодификации «русского» языкового материала: критика – «обличенје», анализ – «објаснѣнје»: «потрѣбно бѣаше о всакоѣм превратѣ изводно доказат от кого, како и зашто вѣ учинѣен сеѣ преврат», кодификация – «кратка правила» (Крижанич 1891, V–VI).

Филологическая работа над «русским» языком как «общим» славянским литературным языком требовала межъязыкового сопоставительного контекста: данные «русского» языка представлялись в сопоставлении с данными других славянских языков, прежде всего, хорватского и польского, которые, по мнению Крижанича, являли полные пути развития, поскольку хорватский язык сохранял «староје зачалноје и чистоје изриканје», а в польском языке, наоборот, «половина ричь јест от њих разнитих језиков примѣшена» (Крижанич 1859, III). *Правильность и понятность* книжного «русского» языка достигалась, по мысли Крижанича, посредством устранения грамматической синонимии и омонимии, а также выбором грамматической семантики, общей для «русского» и хорватского языков. Кроме того, идея Крижанича о формально-семантической достаточности «русского» языка мотивировала необходимость снятия формально-семантической грецизации, характерной для церковнославянского языка русского извода (подробно см.: Запольская 2003, 97–149).

Дело «исправления» «русского» языка Крижанич воспринимал в рамках общеевропейского культурно-исторического процесса XVI–XVII вв.: хорватский книжник полагал, что его лингвистические опыты являют собой одновременно и определенную новацию – «подају дѣло разумним... льудем на суд», и традицию – «преже нас обличниши јни Критици јли Граматически разсудници» (Крижанич 1891, IV, 71). Сама рефлексия Крижанича над лингвонимами «славянский язык» и «рус(с)кий язык» стала важной составляющей процесса культурно-языкового реплицирования (Запольская 2003, 183), т. е. процесса активного реагирования культурно-языковых личностей на рефлексивные опыты друг друга. Крижанич осмыслял культурно-историческую и языковую ситуацию в Московской Руси, опираясь на сочинения «людей римской веры – Герберштейна, Пернштейна, Поссевино и Джовио» (Крижанич 1997, 137, 184–185; см.: *Herberstein S. «Rerum Moscoviticarum Commentarii» 1549; «Pernisteri Relatio de Magno Moscoviae Prin-*

cipe». 1579; *Possevino A.* «Moscovia», 1586; *Giovio P.* «Libellus de Legatione Basilii magni... ad Clementem» VII, 152). Размышления Крижанича о том, как следует называть книжный язык Московской Руси, явились своеобразной репликой на размышления западных политиков и историков XVI–XVII вв., интересовавшихся русской языковой ситуацией. Так, Сигизмунд Герберштейн в «Записках о Московии», изданных в Вене в 1549 г., писал: «Каково бы ни было происхождение имени «Руссия», народ этот говорит на *славянском языке*, исповедует веру Христову по греческому обряду...» (Герберштейн 1988, 58). Обращаясь к проблеме книжного языка в Московской Руси, папский посланник Антонио Поссевино в трактате «Московия», созданном в 1582–1583 гг., продолжал: «Что касается богослужения в исполнении церковных обрядов, то все это делается на *славянском*, или скорее, на *русском языке*, а он почти таков, как язык, принятый у русских подданных польского короля» (Поссевино 1983, 27). Несколько далее Поссевино вспомнил и о мнении еще одного своего предшественника: «А то, что написал в своих «Записках о Московии» Джовио, именно, что среди этого народа распространены сочинения четырех ученых латинской церкви и других отцов церкви, переведенные на *русский язык* (он думал, что последний сходен со *славянским*), этого еще не удалось пока узнать, хотя я тщательно об этом расспрашивал...» (Там же).

Таким образом, явленная в XVII веке в культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* концепция *христианского универсализма* обусловила установку на достижение *правильности* и *понятности «общего» славянского литургического и литературного языка*, который определялся лингвонимами «славянский язык» или «рус(с)кий язык». Проведенное исследование лингвистической рефлексии Юрия Крижанича свидетельствует о том, что «изучение славянских лингвонимов... тесно связано с проблемами возникновения и взаимодействия конкретных литературных языков, культурных ареалов и конфессиональных институтов» (Толстой 1998, 453).

Литература

- Белокуров 1901** – *Белокуров С. А.* Юрий Крижанич в России. М., 1901.
- Бессонов 1870** – *Бессонов П. А.* Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. // Православное обозрение. 1870. № 1–2.
- Будилович 1892** – *Будилович А.* Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава, 1892. Т. 2.
- Герберштейн 1988** – *Сигизмунд Герберштейн.* Записки о Московии. М., 1988.
- Запольская 2003** – *Запольская Н. Н.* «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М., 2003.
- Крижанич 1859** – *Грама̀тично исказа̀ње о̀в рѣ̀ском љезику̀, по̀па Јурка Крижанѝца* // Изд. О. М. Бодянский М., 1859.
- Крижанич 1891** – *(Крижанич Ю.) О̀бѣ̀ясньѣ̀нѣ̀ вѣ̀водно о̀ писмѣ̀ Словѣ̀нском* // Собрание сочинений, 1891. Т. 1.
- Крижанич 1997** – *Крижанич Ю.* Политика. М., 1997.
- Поссевино 1983** – *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.
- Толстой 1998** – *Толстой Н. И.* Избранные труды. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. II.